

Лилит Мазикина

КАКТУС

Лилит Мазикина

Кактус

«Издательские решения»

Мазикина Л.

Кактус / Л. Мазикина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966402-0

Это мир консьержек, дворников, продавщиц. Роман о жизни мигрантов в городе, который не знает их имен, не всматривается в их глаза, не думает об их боли, одиночестве и упрямой человеческой гордости. Роман, написанный на обороте рекламных листовок, которые мы выгребаем из ящиков и, не читая, выбрасываем в мусор. Мне, как читателю, хочется убедить себя, что это — не документальное повествование, потому что иначе — слишком больно. И слишком стыдно.— Дина Сабитова, писательница

ISBN 978-5-44-966402-0

© Мазикина Л.
© Издательские решения

Кактус

Лилит Мазикина

Художница Ломтева Анна

© Лилит Мазикина, 2019

ISBN 978-5-4496-6402-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуйте. Мне тридцать лет, и я нашла свое призвание. Я – консьержка.

Элегантности в этом ни на грош. Хотя бы потому, что Южное Бутово – не Париж. И на ежа я не похожа. Больше всего я, как и всякая московская консьержка, похожа на кактус. Мимо кактуса по квартире проходят, смутно думая: полить бы его, что ли. (У нас стоит один, маленький и печальный, на кухне, так что я знаю). Вот и проходя мимо меня, неподвижно сидящей у окошка в подъезд, люди что-нибудь вспоминают. Не записали показания водосчётчиков. Надо оставить ключи племяннику. Штепсель от утюга забыли из розетки выдернуть.

Консьержечные бывают разные. В элитных домах – как настоящие квартиры. Правда, гостиничного типа. Бывает просто стол в подъезде. Моя консьержечная маленькая, как настенной шкафы, но очень высокая. До потолка – метра четыре, если лечь на диванчик, то взглядом просто улетаешь. Впрочем, лежать здесь нельзя, кактусам положено в своих горшках сидеть. И пристально-пристально смотреть на проходящих жильцов, как будто ты не опознаёшь их за половину секунды по походке, фигуре, верхней одежде. Если не таращиться совиными глазами, граждане проживающие ни за что не поверят, что ты бдишь. У них вообще очень много чисто детских предрассудков о нашей работе. Однажды я составлю список в своей Тетради для Беспольных Записей. Где-нибудь в промежутке между записями в другие тетради – а их довольно много. В одну мы записываем деньги, которые сдают жильцы, в другую – деньги, которые сдали старшей по подъезду мы. В третьей проставляем время, когда сломался один из лифтов, время вызова лифтёра, время прихода лифтёра и время починки лифта. Ещё есть тетрадь сдачи-приёма дежурств, тетрадь учёта показаний водосчётчиков по квартирам и, наконец, тетрадь для записей вызова ремонтников – слесарей, электриков и плотников.

Уже взглянув на один этот перечень, можно догадаться, чем в течение дня занимается консьержка. А ещё мы должны обходить подъезд и проверять лифты, чтобы поддерживать порядок, выметать снег из тамбура, вызывать дворника, выдавать справки, следить, чтобы дети не бегали в одиночестве по лестницам, а одинокие старики показывались на людях, и, наконец, в случае необходимости вызывать пожарных, МЧС, милицию и «скорую».

Но, буду честна, большую часть времени мы действительно просто сидим, сидим и сидим. Иначе зачем мне называть эту книгу «Кактус»?

(Интересно, можно ли называть книгой стопку рекламных листов, исписанных с белой стороны? На этом – реклама стальных дверей)

Рабочая смена начинается в десять утра. То есть, когда приходишь в консьержечную, стрелки на больших часах в подъезде должны быть напротив чисел десять и двенадцать. На самом деле, часы спешат ровно на пятнадцать минут. Я очень надеюсь, что их никто не починит. Ведь я ухожу в одиннадцать вечера по этим часам и иду пешком до железнодорожной станции. Предпоследняя электричка приходит ровно в одиннадцать двенадцать (мне нравится,

как это звучит: по порядку рассчитайся, одиннадцать, двенадцать, расчёт окончен!), а идти до станции ровно двадцать две минуты. Смекаете? Но, честное слово, переводила часы не я. Кто-то сделал это задолго до моего прихода в профессию.

Итак, мой рабочий день начинается в девять сорок пять утра. Самое спокойное время! Все, кому надо было спешить в школу или на работу, давно уже и в школе, и на работе, или, по крайней мере, в пути. Что мне до этого за дела? Вы не представляете, как громко хлопает дверь в тамбур. Если её держать открытой, быстро замерзаешь. А от сорока хлопков подряд не то, что голова болит – в ушах звенеть начинает. Когда смена начиналась в восемь, каждое утро я глохла, как престарелый Гойя. (Я как раз читаю книгу о Франсиско Гойе. Кто-то вынес её в шкаф в подъезде. Автор – ненормальный, на мой взгляд, немец, я впервые вижу его имя. Конец каждой главы он пишет белыми стихами, при необходимости – если переводчики не врут – разрубая слова пополам, чтобы уместить в строку. Поверить не могу, что написан роман задолго до экспериментов Тимоти Лири. Нет, Лири экспериментировал не с литературой. Он пробовал жить под наркотиком LSD. Я это знаю из предыдущей книги.)

Первое, что необходимо сделать – пробежаться по всем семнадцати этажам. Уборщица только что вымыла полы, я должна проверить её работу, а заодно посмотреть, нет ли где следов вандализма. Бывают, например, выломаны перила или выбиты стёкла. Во время обхода нежелательно встречаться с жильцами. Они должны видеть консьержку исключительно в виде головы в окошке, иначе их охватывает беспокойство. Нет ничего хуже, чем жилец, охваченный беспокойством. Он будет жаловаться старшей по подъезду, обязательно поговорит с тобой о небрежном отношении к служебным обязанностям (спорить строго запрещено: на стене висит инструкция, в которой запрет прописан в пункте под цифрой четыре), а потом ещё поднимет вопрос на собрании жильцов подъезда. Правда, ничего, кроме выговора от старшей по подъезду, не будет. Но что приятного в выговоре? Ничего. В консьержки идёшь не потому, что любишь выслушивать других людей, особенно недовольных. Если хотите знать, в нашу профессию идут те, кто любит подсматривать за людьми. Вот как я. Даже по телевизору мне не показывали столько сериалов, как в завешенном тюлем окне консьержечной. Поэтому я возвращаюсь, быстро просматриваю журнал сдачи-приёма смены (мы оставляем в нём служебные записки, под это выделена специальная графа) и устраиваюсь напротив окошка с книгой на коленях. Мне предстоят два самых скучных часа смены. Будем считать их вступительными титрами.

(Реклама салона красоты со смешным названием «Аврора». Хотя, наверное, моему поколению не смешно. Это же советский мем.)

Консьержи бывают трёх видов: с проживанием, круглосуточные и дневные, а жильцы только двух: постоянные и снимающие квартиру. Жильцы ещё делятся на русских и нерусских, это почему-то считается важным. Консьержи всегда считаются нерусскими. По умолчанию. Когда я только устроилась в наш подъезд, пятнадцатилетний мальчик – ростом, наверное, метра два и с коловратом на майке – явился на пороге консьержечной и спросил меня, оглядывая строго и подозрительно:

– А вы украинка или молдаванка?

Интонации явственно не предполагали третьего варианта.

– А почему не русская? – удивилась я.

– Русские на такую работу не идут, а на узбечку вы не похожи, – мальчик наклонил голову к плечу. – Произношение, кажется, украинское.

– Ставропольское, – машинально поправила я. – А если я, например, цыганка?

Мой гость оглядел меня ещё разок.

– И по-цыгански говорите?

– Да.

– Ну, хорошо тогда. Тут цыганки часто ходят. Постельное бельё продают, картошку. Вот вы им по-цыгански и скажите, чтоб не ходили.

Я обещала непременно сказать и при случае выполнила обещание.

Но вот что интересно, сейчас вы представили меня, и вам кажется, что я – эффектная брюнетка, высокая, смуглая, темноглазая, с пышной гривой чёрных кудрей. Мне нравится, что вы меня такой представляете. Но в наш подъезд никогда бы не взяли женщину такой внешности. Как сказал тот же мальчик, «кому приятно каждый день видеть в своём доме какую-нибудь черномазую физию». Судя по тому, как долго и трудно подбирается каждый новый консьерж, это общая позиция жильцов. Уже то, что я здесь работаю, фактически признание: внешность у меня самая простая, неприметная. Русые тонкие волосы, круглое лицо, вздёрнутый нос и светлая кожа. Кроме того, я полновата, заикаюсь и ростом только полтора метра. Ну, ладно, у меня есть карие глаза. Может быть, это вас немного утешит.

Следующий не менее потрясший меня диалог состоялся с импозантным седым мужчиной с одиннадцатого этажа. Он заставил меня повторить приветствие и констатировал, что я картавлю. Так и есть. Я умею произносить звук «р» десятком различных способов, но мне ни разу не удалось сказать её так, чтобы он звучал как положено. Прежде это никого, кроме школьного логопеда, не смущало, так что я даже немного растерялась.

– Еврейка? – с тонкой улыбкой спросил мужчина.

– Не думаю, – честно сказала я. – А что такое?

– Ну, не француженка ведь, – улыбка моего собеседника стала ещё тоньше.

– Pourquoi êtes-vous sûre que je ne suis pas une Française?

– А что, правда?!

– Не-а. Не еврейка и не француженка.

Мужчина не на шутку задумался.

– Кто же ещё у нас картавит?

«Картавые люди,» – чуть не подсказала ему я. Но он бы мне не поверил.

– Некоторые народности Крайнего Севера. И некоторые цыгане.

Интересно, что хуже в этом подъезде: считаться еврейкой или цыганкой? Жилец ушёл, не дав мне и намёка на разгадку. По крайней мере, в тот раз.

До консьержечной у меня было много разных работ, и нигде не вставал вопрос национальности. Её не скрывали, её не афишировали – её просто не обсуждали. Но в этом новом для меня мире твоя этничность оказалась всеобщим делом. От неё зависит место в иерархии, каста внутри касты. Верхнее, небожительское место занимают, конечно, жильцы. Но только те, что проживают в своей квартире и притом являются славянами или московскими татарами. Все остальные жильцы – на ступеньку ниже, вокруг них можно на цыпочках не бегать. Наоборот, они будут с консьержами очень вежливы – чтобы нам в голову не пришло наговорить на них старшей по подъезду или, того хуже, председателю ТСЖ. Сразу ступеньки на три ниже мы, дежурные. Но не все, а только украинки, молдаванки и я, как «белый человек». Узбечки и таджички, особенно «с проживанием», ниже нас. Жильцы их шпыняют, выговаривают за малейшую провинность, ревниво следят за каждым их движением. Редко у кого из «чёрных» консьержек в нашем дворе больше двух выходных за месяц. Редко кто из них садится у окошка позже восьми утра. Поэтому с ними часов до двенадцати невозможно говорить: они глохнут.

Следом идут дворники. В нашем дворе они все – узбеки из Таджикистана, и верховодит ими бригадир Алим, худой, высокий и молчаливый. Все подчинённые считают его злым. Он никогда не даст сделать работу спустя рукава, и, что особенно не нравится другим дворникам, отгоняет мужчин и парней от приехавших без мужа соплеменниц. Сам он сначала приехал с женой, невысокой пугливой узбечкой по имени Айгуль, но уже год как променял её

на такую же невысокую, но гораздо более бойкую украинку Настю. Жена уехала домой, к младшим детям, и Алим высылает им деньги. Потому хватается за любую подработку.

В самом низу оказались уборщицы: узбечки и киргизки. Им нельзя показываться на глаза «белым людям» без крайней необходимости, поэтому они моют подъезды в шесть часов утра. Каждая до смертельной дрожи боится потерять своё место. Потому что тогда придётся искать другое и переезжать. Трудно найти второго Алима, так что переезд может означать изнасилование, отъём денег под предлогом штрафов, что угодно ещё. Уборщицы снимают комнату, одну на четверых. Время от времени то одна, то другая исчезает, и мне приходится запоминать новую. Впрочем, это нетрудно. У каждой второй имя сокращается до «Гули». Часто жильцы любую уборщицу, не разбирая, так и зовут – Гуля. По умолчанию.

(Шубы и дублёнки со скидкой. Рекламирует блондинка с ослепительной улыбкой)

Первая, с кем я познакомилась на новом месте, была, конечно, старшая по подъезду. Она опрашивала меня в лучших традициях собеседований двухтысячных – мол, докажите мне, что вы очень-очень хотите работать именно в нашей корпорации. Чтобы приступить, никакой трудовой книжки не понадобилось, достаточно было паспорта.

Наша старшая – личность довольно примечательная. На вид ей около шестидесяти лет. Не очень высокая, крепкая, с выкрашенными в рыжий цвет волосами и карими глазами. Зовут её Агния Петровна – в честь Барто. В пятидесятых и шестидесятых Барто была известна не только своими детскими стихами, но и проектом, как сказали бы теперь, по воссоединению расколотых войной семей. Возможно, это как-то связано с тем, что простую русскую девочку назвали именно Агнией.

Работала Агния Петровна раньше прорабом на стройке, нрав имеет крутой, но из человеческого смягчает его проявления. Волосы собирает в хвостик, одевается практично: в меру кокетливые капри и майки летом, джинсы и свитера зимой.

Первые дни работы были практически обучением. Я должна была выучить наизусть общедомовую инструкцию для консьержей, распечатанную на листе формата А4 и повешенную на стене слева от окошка в подъезд. (Пункт номер четыре – не вступать в споры и пререкания с жильцами подъезда, кроме случаев, когда этого требует охрана покоя и безопасности других жильцов подъезда). Эту инструкцию я как-то сорвала в порыве злости. Через некоторое время повесили другую.

Кроме того, было очень много устных, строгих-престрогих инструкций на все случаи штатных и нештатных ситуаций. Пересказывать их скучно, так что я буду упоминать их, когда придётся к слову.

Наконец, надо было запоминать жильцов подъезда, квартиры, в которых они живут, и то, сколько раз за день они входили и выходили. Всего квартир в подъезде восемьдесят четыре, а жильцов – что-то около двухсот. У некоторых есть собаки (одна дворняга, одна чау-чау, один бульмастиф, один бульдог, один самец таксы и два йоркширских терьера).

В первый же день работы я познакомилась также со сменщиком, пенсионером из этого же подъезда. Работал он не столько ради денег, сколько за идею: чтобы был порядок. Примечательного роста, широкоплечий, в консьержке он передвигался неловко. Мне очень скоро наметнулись, что раньше сменщик работал в КГБ. Насколько это правда, не знаю.

И старшая, и сменщик – очень религиозные люди. Поэтому на стенах висят православные календари, открытки с наставлениями и текстами молитв, а на инструкции то и дело появлялась надпись – не имею ни малейшего понятия, кто из них там оставлял – «Уйми гордыню». Сначала надпись выполнялась в карандаше, но другая сторона стирала её ластиком, и однажды призыв появился в чернилах. Провисел так некоторое время, а потом кусок поля с надписью аккуратно отрезали. Императив повторялся снова и снова, и снова и снова поля с ним обре-

зались, пока от инструкции не осталась, собственно, только одна инструкция и писать стало негде.

Кроме всего вышеупомянутого, на стене висит график дежурств и телефоны различных служб, включая прямой – участкового.

(Курсы английского языка для детей. Элитные! Чёрно-белая не очень качественная печать)

Моей первой Гулей была Гульбахор. Маленькая, худенькая, с огромными чёрными глазами. Мы здоровались, но никогда не разговаривали, пока однажды, холодным октябрьским утром, моё внимание не привлёк алый шарф на голове Гульбахор.

– Какой у вас красивый платок! – воскликнула я.

Часы показывали шесть сорок пять, и я только приехала на работу. Тогда я ещё начинала в восемь, и мне приходилась ехать на электричке в шесть двадцать две, потому что в более поздние было не вбиться. Оставшееся до начала рабочего дня время я просто спала в тёмной консьержечной.

– Холодно, а шапки нет, – сказала маленькая узбечка. И, посмотрев на меня задумчиво, сказала:

– Меня зовут Гуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.